

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Томъ I. С.-Пб. 1906.

Параллельно съ изданіемъ произведеній Пушкина Академія Наукъ выпускаетъ его переписку, редакція которой находится въ очень хорошихъ рукахъ:—она поручена серьезному изслѣдователю, знатоку новой русской исторіи и литературы В. И. Саитову, тщательныя работы котораго по иллюстрированію историко-біографическими примѣчаніями „Сочиненій К. Н. Батюшкова“, изданныхъ Л. Н. Майковымъ, и „Остафьевскаго архива князей Вяземскихъ“ пользуются заслуженной извѣстностью. Нынѣ г. Саитовъ выпустилъ первый томъ переписки Пушкина, обнимающій періодъ 1815—1826 гг. Несмотря на то, что редакторъ, который намѣренъ дать свои примѣчанія въ особомъ томѣ, не позаботился обставить начало своей работы такъ, чтобы „показать товаръ лицомъ“, его изданіе, тѣмъ не менѣе, сразу производитъ благопріятное впечатлѣніе,—такъ не похоже оно на то, что мы привыкли видѣть раньше въ пушкинскихъ изданіяхъ, столько въ немъ новаго и занимательнаго.

Нечего говорить о важности этого изданія. Что бы ни говорили вообще объ обнародованіи частныхъ писемъ замѣчательныхъ людей, благодаря не только благоговѣнію къ памяти Пушкина, но даже простому любопытству, вызванному именемъ великаго человѣка, начавшееся уже давно собираніе писемъ Пушкина привело къ тому, что русская литература обогатилась книгой, которой справедливо можетъ гордиться. Далеко не въ каждомъ своемъ литературномъ дѣтищѣ Пушкинъ отразился такъ разнообразно и всецѣло, какъ въ перепискѣ. Такъ же, какъ и лирика, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже лучше ея, письма Пушкина не только служатъ изученію внѣшнихъ чертъ жизни Пушкина, но значительно уясняютъ внутреннія стороны его характера и освѣщаютъ его творчество. Велико не только біографическое и психологическое значеніе ихъ, но и историческое. Пушкинъ былъ центральной фигурой въ культурной русской исторіи 20-хъ и 30-хъ годовъ; въ жизни русскаго народа, въ исторіи развитія русской общественности литература была болѣе могучимъ факторомъ, чѣмъ въ жизни другихъ народовъ, и никогда ни одинъ поэтъ не былъ для своего народа тѣмъ, чѣмъ былъ для Россіи Пушкинъ—солнце русской культуры. Хорошо изучить его письма значитъ узнать не только Пушкина, но и его эпоху, колыбель тѣхъ идей, которыя теперь только проникаютъ собою русскую жизнь.

Особое вниманіе редакторъ удѣлилъ прежде всего тексту, той самой сторонѣ дѣла, которая всего больше страдала отъ небрежности прежнихъ издателей. „Преслѣдуя правильность пушкинскаго текста“ — говоритъ г. Сайтовъ— „я провѣрилъ письма его, бывшія уже въ печати, по подлинникамъ или по фотографическимъ копіямъ съ нихъ, если только представлялась какая-либо возможность получить то или другое... Издаваемая переписка Пушкина расположена въ строго-хронологическомъ порядкѣ. Она отличается отъ предшествовавшихъ изданій, кромѣ введенія пушкинской орфографіи, своею сравнительною полнотою, которая выражается въ обнародованіи новыхъ писемъ Пушкина, въ дополненіи старыхъ, а также въ приведеніи полностью черновыхъ редакцій на ряду съ бѣловыми. Кромѣ того, въ настоящее изданіе включены письма корреспондентовъ Пушкина, печатаемыя для наглядности болѣе мелкимъ шрифтомъ и также свѣренныя по возможности съ подлинниками“. Доказательствъ важности работы, произведенной г. Сайтовымъ надъ точностью передачи текста пушкинскихъ писемъ, можно привести много. Мы не будемъ говорить о необходимости сохраненія въ научномъ изданіи пушкинской орфографіи и пунктуаци, дающихъ матеріалы для сужденія о произношеніи Пушкина, о логическихъ отгѣнкахъ, которые онъ иногда желалъ придать тѣмъ или инымъ своимъ словамъ. Новое изданіе даетъ совершенно новое и притомъ вѣрное представленіе о томъ, что писалъ Пушкинъ, и только послѣ такого строгаго изслѣдованія текста, только при такомъ благоговѣйномъ отношеніи къ его неприкосновенности, наука сможетъ получить пригодныя данныя для изученія пушкинской грамматики, для составленія словаря пушкинскаго языка, для исторіи развитія языка Пушкина, исторіи побѣды великаго мастера слова надъ полученнымъ имъ отъ родного народа сырымъ матеріаломъ. Возьмемъ на удачу черновое письмо къ А. Н. Раевскому, 1821 г., помѣченное въ изданіи г. Сайтова № 18-мъ. „Въ войскъ покойнаго князя Ипсиланти“ читаемъ мы у г. Сайтова, а въ послѣднихъ изданіяхъ гг. Морозова и Ефремова читаемъ: „въ войскахъ“; „ига незаконнаго“ пишетъ Пушкинъ, а г. Морозовъ мѣняетъ расположеніе словъ: „незаконнаго ига“. „Сія прокламація *встревожила* всю Молдавію“, говоритъ Пушкинъ, а гг. Ефремовъ и Морозовъ передаютъ: „*взволновала*“; у Пушкина: „въ Одессахъ“, а въ прежнихъ изданіяхъ исправлено: „въ Одессѣ“; у Пушкина: „прекрасныя минуты Надежды и Свободы“, а гг. издатели передѣлываютъ: „прекрасная минута надежды и свободы“. Одно черновое письмо, вѣроятно, къ А. Н. Раевскому

(у г. Сайтова № 77), напечатанное г. Морозовымъ и Ефремовымъ въ не совѣмъ вѣрномъ мѣстами переводѣ П. В. Анненкова, дано въ новомъ изданіи въ подлинникѣ. Въ другомъ черновомъ письмѣ, тоже, должно быть, къ А. Н. Раевскому, Пушкинъ пишетъ: „*слышу я...*“, а не „*услышалъ*“, какъ читаемъ въ прежнихъ изданіяхъ; „жалѣя, что принужденъ оправдываться передъ тобою, повторяю“, а не „жалѣю, что принужденъ оправдываться передъ тобою. Повторяю“...

„Во-первыхъ“ пишетъ Пушкинъ (письмо № 112), что очень характерно для его произношенія; эта черта пропадаетъ въ прежнихъ изданіяхъ, гдѣ читается: „во-первыхъ“. „Полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую“ (№ 117, стрр. 161, 163), а не „имѣетъ“, какъ напечатали гг. Ефремовъ и Морозовъ. Такихъ примѣровъ, обличающихъ, какъ небрежно печатали Пушкина прежде, множество, и ихъ не приходится искать: они сами бросаются въ глаза; рѣшительно послѣ появленія переписки Пушкина въ сайтовой редакціи всѣ прежнія изданія ея должны выйти „въ отставку за ранами“. Нѣкоторыя письма Пушкина представлены не только въ вѣрномъ, но и въ полномъ видѣ. Даны всѣ черновые наброски писемъ Пушкина, дошедшіе до насъ. Единственный пропускъ — коротенькая записочка Пушкина къ А. П. Полтарацкому, относящаяся къ январю 1822 года. Почему-то, едва-ли не преднамѣренно, выпущено прошеніе поэта на высочайшее имя объ освобожденіи изъ ссылки (май 1826 г.); выпускать его не слѣдовало, такъ какъ и официальные письма и прошенія Пушкина входятъ въ его переписку; вѣдь печатаетъ же г. Сайтовъ и черновикъ всеподданнѣйшей просьбы поэта (о томъ же) къ Александру I, и переписку Пушкина съ шефомъ жандармовъ.

Въ новомъ изданіи есть нѣсколько новинокъ. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о впервые печатаемыхъ письмахъ Пушкина. Въ черновомъ письмѣ, вѣроятно, къ князю П. А. Вяземскому, 5-го іюля 1824 г., изъ Одессы, (№ 85), Пушкинъ высказываетъ рядъ любопытныхъ сужденій о французской литературѣ; не будемъ приводить этого письма, такъ какъ мысли его, притомъ въ почти тѣхъ же выраженіяхъ, развиты въ давно извѣстномъ черновикѣ письма къ Вяземскому отъ 4-го ноября 1823 г. Ново французское письмо къ княгинѣ В. Ѡ. Вяземской, отъ 24-го марта 1825 г., въ которомъ, впрочемъ, поэтъ ничего не говоритъ о самомъ интересномъ для насъ предметѣ—о себѣ самомъ. Впервые напечатана маленькая записочка поэта къ брату Льву Сергѣевичу; въ ней слышится leit-motivъ всей его переписки съ Львомъ Сергѣевичемъ: просьба никому не читать новыхъ, еще не на-

печатанныхъ произведеній Пушкина. (Повсюду читая ихъ и даже давая другимъ списывать, Левъ Сергѣевичъ, о которомъ говорили: „Левушка нашъ радъ, что онъ родному брату брать“, такъ сказать, губилъ на корню ихъ будущій сбытъ на книжномъ рынкѣ, что сердило поэта). Весьма интересно письмо Пушкина къ Вяземскому отъ 13-го сентября 1825 г.; донинѣ былъ извѣстенъ только его конецъ, написанный 15-го сентября. Пушкину, просившему освободить его изъ ссылки для лѣченія болѣзни, было разрѣшено лѣчиться въ Псковѣ. „Очень естественно“ — писалъ поэтъ другу, — „что милость царская огорчила меня, ибо новой милости не смѣю надѣяться, — а Псковъ для меня хуже деревни, гдѣ по крайней мѣрѣ я не подъ присмотромъ полиціи... Аневризмомъ своимъ дорожилъ я пять лѣтъ какъ послѣднимъ предлогомъ къ избавленію, ultima ratio libertatis, — и вдругъ послѣдняя моя надежда разрушена проклятымъ дозволеніемъ ѣхать лѣчиться въ ссылку! Душа моя, преневоля голова кругомъ пойдетъ. Они заботятся о жизни моей; благодарю, — но чортъ ли въ эдакой жизни. Гораздо ужъ лучше отъ не-лѣченія умереть въ Михайловскомъ. По крайней мѣрѣ могила моя будетъ живымъ упрекомъ“. Въ слѣдующемъ изъ впервые опубликованныхъ писемъ къ Вяземскому (№ 251) поэтъ проситъ друга принять участіе въ дѣвушкѣ, которую „одинъ изъ друзей“ князя „неосторожно обрюхатилъ“. „Полагаюсь на твое человѣколюбіе и дружбу. Приюти ее въ Москвѣ и дай ей денегъ сколько ей понадобится, а потомъ отправь въ Болдино (въ мою вотчину, гдѣ водятся курицы, пѣтухи и медвѣди). При семь съ отеческою нѣжностью прошу тебя позаботиться о будущемъ малюткѣ, если то будетъ мальчикъ. Отсылать его въ воспитательный домъ мнѣ не хочется, — а нельзя ли его покамѣстъ отдать въ какую-нибудь деревню... Милый мой, мнѣ совѣстно, ей-Богу, но тутъ уже не до совѣсти“... Вяземскій совѣтовалъ Пушкину поручить бѣдную дѣвушку ея отцу, которому написать „полулюбовное, полураскаятельное, полупомѣщичье письмо“. Пушкинъ отвѣчалъ ему: „воспользуюсь правами блуднаго зятя и грядущаго барина и письмомъ улажу все дѣло“. Что случилось съ дѣвушкой и ея ребенкомъ, неизвѣстно. Намекъ на эту сторону помѣщичьей жизни Пушкина въ Михайловскомъ встрѣчается въ запискахъ И. И. Пущина о немъ (Л. Майковъ, „Пушкинъ“, С.-Пб., 1899 г., стр. 81). Пово для насъ и письмо Пушкина отъ 3-го ноября 1826 г., изъ Торжка, къ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской; поэтъ упоминаетъ въ немъ о дѣвушкѣ, которую онъ тогда любилъ, — С. Ѳ. Пушкиной: „S. P. est mon bon ange“, говоритъ онъ и дѣлаетъ къ

этимъ инициаламъ шутилиое примѣчаніе: „Ce n'est pas Serge Pouchk. bien entendu“.

Еще не бывшихъ въ печати писемъ разныхъ лицъ къ Пушкину г. Сайтовъ опубликовалъ цѣлый рядъ. Любопытно для характеристики литературныхъ интересовъ Пушкина въ 1820 г. одно письмо Вяземскаго къ нему (№ 12). Объ одномъ слабомъ и мимолетномъ романическомъ увлеченіи Пушкина, болѣе походившемъ на праздную игру въ любовь, чѣмъ на серьезное чувство, рассказываютъ шесть писемъ къ нему его деревенской сосѣдки Анны Николаевны Вульфъ (№№ 241, 246, 250, 258, 269 и 272).

Изъ единственнаго дошедшаго до насъ письма Пушкина къ ней и изъ ея писемъ легко убѣдиться, что поэтъ вовсе не любилъ ея, а только заигрывалъ съ ней, самъ хорошишко не зная для чего; она, повидимому, тоже больше писала о любви, чѣмъ дѣйствительно любила. Въ ея письмахъ много фразъ и пустого кокетства. „Что за волшебство свело меня съ ума! Какъ вы умѣете притворяться. Я согласна съ кузинами, что вы очень опасный человѣкъ, но я постараюсь образумиться!“ пишетъ поэту Анна Николаевна. Въ слѣдующемъ письмѣ кокетство ея еще грубѣе: „Боже, повѣрила ли бы я когда-нибудь, что стану такъ писать мужчинѣ? Нѣтъ, зачеркну!“ Въ каждомъ письмѣ она говоритъ, что поэтъ ее компрометируетъ, и поддразниваетъ Пушкина рассказами о какихъ-то своихъ ухаживателяхъ. Очевидно, въ ссылкѣ поэтъ дѣйствительно изнывалъ, если съ тоски и скуки занимался пустой и неинтересной перепиской съ пустымъ и неинтереснымъ существомъ.

Нельзя не отмѣтить тщательную разработку г. Сайтовымъ хронологіи писемъ. Имъ установленъ цѣлый рядъ датъ, въ которыхъ путались прежніе редакторы. Благодаря внимательной работѣ переписка Пушкина съ А. А. Бестужевымъ и К. Θ. Рылѣвымъ приведена въ надлежащій видъ; прежде отдѣльныя части писемъ были перепутаны между собою, и въ нихъ было очень нелегко разобраться. Сообщено нѣсколько вѣрныхъ датъ къ извѣстнымъ раньше и невѣрно датированнымъ письмамъ. Есть кое-какія хронологическія неточности, но онѣ ничтожны, особенно въ сравненіи съ важностью всего сдѣланнаго г. Сайтовымъ въ этомъ отношеніи; хронологическихъ ошибокъ во всякомъ случаѣ у г. Сайтова нѣтъ.

Г. Сайтовъ обѣщаетъ снабдить свое изданіе историческими, литературными, бытовыми и библиографическими примѣчаніями въ особомъ томѣ. Было бы гораздо лучше, если бы редакторъ избѣгъ „руколом-

ной“ системы и съ самаго начала печаталъ примѣчанія среди текста, особымъ шрифтомъ. Нельзя не пожелать, чтобы въ примѣчаніяхъ былъ данъ русскій переводъ французскихъ писемъ Пушкина.

Н. Лернеръ.
